№ 10. 3-е МАРТА 1878 ГОДА. **ГОДЪ XX.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Москвѣ безъ доставки на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Съ доставкой или пересылкой на годъ 5 р., на полгода 3 р. Цѣна отдѣльному № 15 коп.

РЕДАКЦІЯ: Москва, Покровка, Машковъ пер., д. Миллера. Каждая перемѣна адреса 20 коп., при этомъ отъ иногородняго нужно представить прежній печатный адресъ.

Объявленія принимаются съ платою по 15 коп. за строку, или за квадратный дюймъ.

Подписка продолжается.

После масляницы

(сцены изъ купеческаго быта)

I. ВЪ МОЛОДЦОВСКОЙ.

Чистый понедѣльникъ. Утро. Унылый звонъ раздается Замоскворѣчью. Въ «молодцовской» купца Заломаева альчи[illegible]чистятъ сапоги старшимъ прикащикамъ. Въ дномъ углу, свѣсивъ ноги съ кровати, одинъ изъ прищиковъ обѣими руками держитъ ковшъ квасу и словно нему прилипъ; противъ него другой субъектъ, полуѣтый, стоитъ въ выжидательной позѣ.

Полно, чортъ, лопать-то! Оставь хошь мнѣ гло-
вчерашняго во рту смерть! У-у-у! Давай, Петра!
ѣ говор а то силой отыму, кухарка-то больше не даетъ.

На погребѣ квасу много, отзывается одинъ изъ
мОЪ XXXIX.

мальчишекъ,—передъ масляной самъ-отъ велѣлъ побольше его заварить.

— Побольше, а Авдотья-то, дерево стоеросовое, не отпускаетъ. Охъ, Господи!... Ну, наконецъ-то!—И прикащикъ отнимаетъ у Петра ковшъ съ квасомъ.—Ишь, дьяволъ, только на донышкѣ оставилъ.

— Теперь, Семенъ Иванычъ, хорошо бы вамъ разсольцу огуречнаго, говоритъ другой мальчишка.

— Разсольцу?! Самъ знаю, что хорошо, да гдѣ его раздобудешь?

— Сейчасъ я видѣлъ, дворникъ самому цѣлую миску потащилъ.

— Имъ хорошо. Ежели у нихъ въ головѣ эдакое [illegible]раженіе, сейчасъ у нихъ все: и сельтерà, и квасы, а мы ... тьфу! даже тошно.

— Семенъ. пришелъ что ли Степанъ Ефимовъ?

— Нѣтъ еще. [illegible]жно быть загулялъ шибко... О, Господи! какъ подъ ложечк[illegible]катило, какъ бы теперь капусткой раздобыться?

Въ это время вваливаетс[illegible] старшаг[illegible] прикащика Степана Ефим[illegible] вмѣсто мѣховой шапки

блуждаютъ и чего-то ищутъ. Рука его простирается и хватаетъ за волосы одного изъ мальчишекъ, раздается крикъ.

— Шштъ! Молчи! Самъ всталъ?

— Нѣтъ еще, отвѣчаетъ мальчишка.

— Ключей не присылалъ? еле произноситъ онъ.

— Нѣтъ-съ. Анисья нянька приходила навѣдаться, всѣ ли дома.

— Ну?

— Сказалъ, что вы спите-съ и дверь вашу заперъ на ключъ.

— Ладно. На, держи двугривенный. Бѣги за квасомъ. Н-ну! Чтобы въ моментъ. Слышь, одна нога здѣсь, другая въ лавкѣ... Ой, батюшки!...

— Что, Степанъ Ефимычъ, аль вчера было и у васъ?

— Было,—и старшій направился въ свою комнату; черезъ нѣсколько времени раздается оттуда громкій крикъ.

— Что такое? что случилось?

Степанъ Ефимовъ выходитъ съ ручнымъ зеркаломъ и указываетъ на огромный фонарь подъ глазомъ.

— Гдѣ-жь это вы удостоились? не безъ ироніи вопрошаетъ одинъ изъ младшихъ.

— Бѣсъ его знаетъ. Только сейчасъ замѣтилъ. Господи! что же это? Какимъ же я манеромъ теперь въ лавку? Самъ-то что скажетъ?

— Это ничего-съ. Закрасить можно-съ. Я въ позапрошломъ году послѣ Святой съ такимъ же орденомъ три недѣли ходилъ. Никто ничего и не замѣтилъ. Право. Мѣломъ натереть, опосля саломъ, а сверху пудрой и очинно даже превосходно.

— Да гдѣ-жь всѣ эти матеріалы возьмешь?

— Пудры-съ у меня даже много есть, а мѣлу мы сейчасъ изъ игральныхъ мѣлковъ наскоблимъ, а за саломъ въ лавочку.

— Васютка, на пятакъ купи. Какого сала-то?

— Свѣчнаго.

— Ну, бѣги, да въ моментъ приходи...

Приносятъ и квасъ, и сальную свѣчу и опытный операторъ начинаетъ процессъ закрашиванья.

— Гдѣ же это вы изволили прихватить-съ этотъ самый дипломъ?

— Должно быть на танцовальномъ вечерѣ.

— Что же, происшествіе какое было?

— Нѣтъ, происшествіевъ не было, а вздума[illegible] это я у одного музыканта на трубѣ съиграть. [illegible] при всей публикѣ захотѣлъ, хозяинъ это на[illegible] лъ меня уговаривать, уговорилъ, пошли с[illegible] ъ, выпили по коньячку. Сталъ опять пристав[illegible] послѣ этого что было— [illegible] помню. [illegible] я очутился, а гдѣ [illegible] ы пришли?

— Купилъ тутъ подъ утро у одного стракулиста за два целковыхъ.

— Господи! жалость какая! Шапка-то хорошая была.

— Хорошая... Опосля этакаго разу и не то потеряешь... Ой, ой, ой! Тише, чортъ!

— Развѣ больно-съ?

— А ты попробуй, попроси, чтобы тебѣ эдакую печать приложили и поймешь.

— Это мы даже очень хорошо понимаемъ, потому въ этихъ разахъ бывали, и теперича скажу вамъ, Степанъ Ефимычъ, ничего нѣтъ хуже этой масляницы для нашего брата подначальнаго. Ежели бы я таперь былъ хозяинъ и въ куражъ вошелъ, а потомъ въ происшествіе попалъ бы и по сему случаю такую бы точно бандероль подъ глазъ получилъ, это бы было мнѣ наплевать, потому отчету никому отдавать не намѣренъ, а тутъ только что душа твоя разгуляться желаетъ, сейчасъ это тебѣ мысль въ голову: дескать, помни о «самомъ». Нѣтъ, я вотъ что вамъ скажу, Степанъ Ефимычъ: случись мнѣ таперь хошь въ какой праздникъ отпроситься, николи я съ такимъ штемпелемъ не вернусь домой.

— Какъ такъ?

— А такъ-съ. У меня на этотъ счетъ своя дипломатія есть. Только ежели чуть до драки и самъ сдачи дать не могу, сейчасъ это я на полъ да ничкомъ. По спинѣ да по ребрамъ бей сколько хошь, это ничего-съ, потому въ баню да перцовкой и шабашъ, а ужь рылато не тронутъ-съ, ну и значитъ никакихъ документовъ супротивъ меня на лицѣ нѣтъ.

— Это ты правильно. Жалко раньше не сказалъ. О, Господи! немножко нутро-то отъ квасу отлегло. Пей, Сеня, коль хочешь.

— Благодарю-съ. И теперь этому самому фортелю меня одинъ чиновникъ обучилъ и любо... Пожалуйте-съ, готово. Извольте, Степанъ Ефимычъ, въ зеркальцо взглянуть-съ. Хоть сейчасъ въ фотографію патретъ снимать.

Степанъ Ефимовъ глядитъ въ зеркало и остается реставраціей своего лица очень доволенъ.

— Эхъ, теперь бы по единственной, съ пох[illegible] произноситъ молчавшій доселѣ Петръ.

— А! И у васъ, значитъ, сударь, въ го[illegible]ѣ часы ходятъ?

— Ходятъ, Степанъ Ефимычъ!

— И не стыдно-съ, а еще въ хозяйскихъ родственникахъ состоите. Что же не пошлете-съ?

— Послалъ бы, да изъ выручки ничего не[illegible]съ.

— Ну извольте-съ. Я для васъ это с[illegible]дина ес[illegible] У меня въ сундукѣ еще съ третьяго дн[illegible] [illegible]лучилъ на сво[illegible] Нынче хошь я такой ландшафтъ [illegible] распрекрасномъ лицѣ, а очень я добръ-съ. Сеня,

стань, на вотъ ключъ. Только какъ таперь насчетъ шапки быть?

— А вотъ, за вашу доброту, я вамъ свою могу дать-съ, а у меня старая есть.

— Ну и ладно, и думать не о чемъ. Ловко чортъ этотъ, Семенъ, моимъ фонаремъ распорядился. Ничего, то-ись... Принесъ? Ну, ладно, наливай.

— Въ рюмку?

— Ну вотъ! Эхъ ты, молодой, а пьешь. Нѣшто въ чистый понедѣльникъ рюмкой пьютъ? Въ стаканъ, да тамъ на окнѣ хлѣбъ черный въ газету завернутъ.

Прикащики пьютъ и закусываютъ; въ комнату входитъ старуха нянька, въ рукахъ у нея связка ключей; посуда сразу исчезаетъ въ стоящіе на лавкѣ вычищенные ботики.

— На вотъ, самъ ключи прислалъ. Ишь, озарники, рыла-то какія стали опосля масляной!

— Вы насчетъ рыловъ-съ оставьте, потому это къ вамъ не идетъ совсѣмъ. Пришли ежели за дѣломъ, сказывайте, а языкъ трепать васъ вовсе не приглашаютъ-съ, отвѣчаетъ старшій.

— Знаемъ мы васъ хорошо-съ. Всѣхъ знаемъ-съ и дѣла-то ваши тоже.

— А коли знаете, такъ никому не говорите, потому секретъ.

— У-у-у! верзила! Только и знаешь, что дерзости да дерзости, а нѣтъ, чтобы старому человѣку почтеніе... Самъ нынче не выйдетъ, слышишь? Велѣлъ сказать, чтобы за дѣломъ смотрѣли да въ низокъ не бѣгали.

— Очинно распрекрасно и довольно равнодушно.

— Да; а то, говоритъ, напьются, а дѣло отъ этого въ упадкѣ и въ забытьи.

— Это Василій Ивановичъ такъ буквально и сказали вамъ?

— Да, а ты какъ думаешь?

— А думаю я, что это вы по своей, значитъ, женской фантазіи эту самую ораторію сочинили.

— Ну, а коль сочинила, такъ поди справься, расподлая душа!

— Шли бы вы, тетенька, въ свой департаментъ, къ буфетному отдѣленію, потому вамъ таперь проѣдаться не зачѣмъ и притомъ же опять Великій постъ и вашего брата за этакія рѣчи на томъ свѣтѣ не похвалятъ, да-съ! Видали, небось, какъ грѣшникамъ языкъ горячимъ желѣзомъ жгутъ, ну и смотрите...

Одинъ изъ мальчишекъ фыркаетъ, раздосадованная старуха плюетъ и уходитъ.

— Ишь, хрычовка, разсердилась, что я ей къ Рождеству только платокъ подарилъ. Народъ!... Ну, ребята, собирайся. Гдѣ елей-то?

— Вонъ тамъ въ ботикѣ.

— Еще по одной и въ лавку. Который часъ?

— Девятаго полчаса.

— Пора! Пей, да прячь посудину подальше!

Всѣ пьютъ, надѣваютъ шубы, крестятся и уходятъ въ лавку. Старшій идетъ впереди, сзади мальчишки, неся связанныя бичевкой конторскія книги.

II. ВЪ ТРАКТИРѢ.

По высокой лѣстницѣ Бубнова трактира подымается купецъ. По временамъ онъ останавливается, тяжело дышитъ и вздыхаетъ.

— Батюшки! никакихъ силъ нѣтъ! Эку махину воздвигнули! Особливо опосля вчерашняго; словно на Ивана Великаго лѣзешь... Фу-у! наконецъ-то удостоился... Эй, Ликсандра, никого въ комнатѣ нашихъ нѣтъ?

— Есть, пожалуйте-съ. Здравія желаю-съ. Пожалуйте шубу. Все ли въ добромъ? быстро вопрошаетъ половой.

— Скверно, братъ! Это каждый разъ послѣ этихъ блиновъ. Вѣришь ли, силъ нѣту никакихъ послѣ масляницы.

Половой растворяетъ дверь въ отдѣльную комнату, въ коей уже сидятъ двое пріятелей. Передъ ними въ кружкѣ кислыя щи, квасъ и бутылка водки.

— А! милому человѣку! Полтора съ лишнимъ не видались. Какъ вы-съ? Садись.

Вошедшій стоитъ, уперевъ свой взоръ въ находящуюся на столѣ посуду.

— Вѣрно! Безъ этого невозможно. Ликсандра!

— Что прикажете?

— Щецъ кислыхъ.

— Да пей вотъ наши.

— Нѣтъ, я свѣжихъ... Вѣрите ли, — обращается онъ къ сидящимъ, — эту масляницу намъ Господь Богъ только за грѣхи послалъ, не иначе.

— Это почему у васъ такое объ этомъ предметѣ разсужденіе? Нѣтъ, я такъ полагаю, что ежели умѣючи пользоваться, такъ оно ничего. По мнѣ бы хушь разъ десять въ годъ бы масляница была, мнѣ все едино. Главная причина, держи себя въ аккуратѣ и мученіевъ никакихъ не будетъ.

— Удержишься, держи карманъ... А! принесъ щей, давай сюда.

Купецъ пьетъ, вздыхаетъ, опять пьетъ и выдерживаетъ большую паузу.

— Полегчало.

— А ты выпей двухспальную изъ этой вотъ по... ужно произноситъ друго... карточ... никъ, — еще легче ...ѣмецъ я ужь вотъ съ

— Ни-ни! Я

— Ты нѣ г.

пронесешь.

— Это мы довольно хорошо знаемъ, что не пронесемъ, а только... принеси-ка еще щецъ. О батюшки, свѣты и все отъ этого проклятаго шампанскаго, чтобъ ему....

— Развѣ вчера занимались?

— Занимались, да такъ, что теперь словно перевернуло всего. Утромъ сегодня принесли мнѣ изъ погребу квасу, онъ у меня въ бутылкахъ розлитъ и, какъ на грѣхъ, попадись бутылка изъ подъ шампанскаго, вѣришь ли, вспомнилъ это я все вчерашнее и такъ это меня отшвырнуло въ сторону, что и квасу пить не сталъ.

— Что же, компанія была?

— Была. Начали дома, а кончили ужъ гдѣ—не помню. Развѣ выпить?

— Конечно пей. Чего тутъ словно пятилѣтній ребенокъ, да вотъ икрой закуси.

— Икрой?... Ни за что... Постъ только въ началѣ и чтобы я... Нѣтъ я лучше хлѣбцемъ чорнымъ да квaскомъ запью. Налей ка, Ваня.

— Изволь.

Купецъ беретъ рюмку, рука сильно трясется, онъ обнимаетъ посуду обѣими, выпиваетъ и сильно машетъ руками.

— Ой, батюшки не буду, никогда не буду. Фу-у-у! Прошло. Теперь кваску.

— Вчерашній день сколько народу въ Стрѣльнѣ было, страсть! произноситъ одинъ изъ пріятелей.

— Мы вчерась къ Юлю въ третьемъ часу попали, столовъ не могли найти.

— А ты съ кѣмъ былъ?

— Много насъ было: человѣкъ восемь.

— Съ женами?

— Ну вотъ, куда ихъ. Эдакой день нѣшто съ ними можно? Только очень хорошо все было. Скандаловъ никакихъ, только одна исторія вышла.

— Какая? Разскажи, сдѣлай милость.

— Изволишь видѣть, сначала это, какъ мы изъ дому заѣхали къ Патрикѣеву, все шло ровно. Отставать никто не отставалъ, а такъ все въ аккуратѣ, загрунтовались это маленько, послали за двумя тройками и вздумалось намъ еще въ Эрмитажъ заѣхать, Өедоръ Өедорычъ и, началъ очень налегать на коньякъ, за нимъ другіе, я тоже. Какъ мы сѣли въ икипажъ ни помню и только

я въ Петровскомъ паркѣ. Народу этто

пили, только уже водку; опосля поѣхали...

ще рюмочку хлобысну.

милость.

ѣхали Приходимъ этто

ь нѣ итъ: не прикажете

говоритъ, хоша еще компанія

тъ, комната большая.—Кто да кто тамъ, спрашиваемъ, изъ купечества? Нѣтъ-съ, гытъ, военные. Ну ладно, вошли. Сидятъ это за столомъ трое, одинъ значитъ при аполетахъ, другой такъ, а третій въ черномъ сюртукѣ и тоже съ аполетами. Өедоръ Өедоровъ говоритъ: Энто должно морякъ.—Ну?!—Ей-Богу, говоритъ. Сѣли это мы потребовали себѣ что слѣдуетъ, цыгане вошли. Какъ вы, говорятъ, на счетъ «ту баганъ?» *). Это, говоримъ, опосля. Ну а «гудло?» **). Это сейчасъ. Скомандовали имъ чаю, сѣли. Рядомъ это съ нами фараоны эти, пьемъ, и затѣмъ заказываемъ пѣть, только чтобы черезъ полчаса. Выпилъ это я и прежде, а теперь этой шампанеи и вступило мнѣ въ голову: почему я до сихъ поръ не могу съ тѣмъ морякомъ познакомиться? Въ это самое время тѣ двое ушли, а онъ, морякъ-то, за столомъ одинъ. Подошелъ я къ нему, говорю: намъ желательно, говорю съ вами какъ собственно вы ерой, познакомиться.—Отчего же-съ, говоритъ.—Это, говоримъ, форма морская?—Да-съ, говоритъ, и хотѣлъ это онъ еще что-то сказать иль можетъ и сказалъ, только наши-то всѣ поднялись и давай ему ура кричать. Посадили его посреди насъ, призвали цыганъ, поютъ, мы пьемъ, страсть веселье и главная причина, потому что морякъ. Я-то, какъ первый, обниматься сталъ съ нимъ, а въ это самое время его двое товарищей ушли. Остался онъ съ нами. Про что говорили ужъ не помню, а только очинно серьезно, а главная причина нашему-то гостю и рта раскрыть не давали. Өедоръ Өедоровъ и давай его просить разсказать, какъ это онъ мониторы турецкіе бралъ.—Я, гытъ, не бралъ.—Ну все едино коли не бралъ, можетъ видалъ. На морѣ-то не разъ бывалъ.—Я, говоритъ, ни разу и моря-то не видалъ и воды, говоритъ, страшно боюсь.—Какъ такъ?... Какой же ты опосля этого морякъ и ерой, коли воды боишься?—Я, говоритъ, и не морякъ и не называлъ себя морякомъ.—Фью-ю! Вонъ оно что!... Такъ вѣришь ли, словно отрезвѣли! Ну, штука! Думали завтра въ городѣ разсказать про наше знакомство, вѣдь это рѣдкость, анъ вдругъ что же?! Камуфлетъ!! Очинно мы въ тѣ поры обидѣлись, особливо Өедоръ Өедоровъ. Разсчитались это мы, цыганъ прогнали и куда ужъ послѣ попали не помню и какъ домой пріѣхалъ не помню... Такъ вотъ какая исторія.

— Ловко! смѣются собесѣдники.

— Нѣтъ, это что! Я таперь этого вспомнить не могу. Сегодня зашелъ къ одному, что, говоритъ, какъ это вы вчера съ морякомъ познакомились?—Налей-кася еще рюмочку. Эхъ! отрѣжь икорочки, ужъ за одно говѣть на будущей недѣлѣ. Ликсандра, чаю!

---

*) На парѣчіи цыганъ—пѣнье.

**) Тоже—чай.

— Поправился?

— Таперь, слава Богу, а то словно жерновъ подъ рдцемъ лежалъ.

Половой вноситъ чай, начинается разливаніе.

— Одначе, братцы, мнѣ и въ лавку пора.

— Ну, куда? посиди.

— Нѣтъ. Максимъ Ѳедорычъ ждетъ. Дѣло есть. Вы це здѣсь посидите?

— Съ часикъ посижу.

— Ладно, я приду.

— Петя, выпьемъ по рюмочкѣ.

— Нѣтъ, братецъ, я довольно уже. Теперь я строго ю соблюдаю.

— А прежде-то въ Московскомъ въ билліардной?

— Прежде другое, а теперь особь статья.

— А я выпью.

— Пей.

Проходитъ часъ. Купецъ пьянъ и еле тянетъ чай ъ стакана.

— Эй, Ликсандра, кричитъ онъ.—Является половой.

— Пошли сказать въ лавку, что не пріѣду, слышшь, лошадь сюда чтобы... Прямо домой... къ пяти часамъ.

— Слушаю-съ!

— Нѣтъ, каковъ морьякъ-то? а? заканчиваетъ онъ и ерется за водку.

А. Д—жій.

ВА ИВАНА, ДВА ИВАНОВИЧА,

или

ЧТО МОГУТЪ НАДѢЛАТЬ ВИЗИТНЫЯ КАРТОЧКИ.

СКАЗКА.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

изъ которой читатель узнаетъ о томъ, кто такіе были Иваны Ивановичи и о невинной ошибкѣ гравера Шприка.

Судьба удивительная насмѣшница, это всѣмъ извѣстно. Всѣмъ извѣстно также, что иногда она въ силу своей привычки къ насмѣшкамъ, сталкиваетъ двухъ неизвѣстныхъ другъ другу субъектовъ и заставляетъ ихъ продѣлывать штуки, на изумленіе себѣ самимъ и на удивленіе себѣ подобнымъ. Укорять судьбу за это было бы неблагоразумно, а потому мы, оставляя въ сторонѣ мудрствованія лукавыя, начнемъ по порядку нашу сказку.

Въ губернскомъ городѣ Пустомельскѣ жилъ отставной надворный совѣтникъ Иванъ Ивановичъ Повалишинъ. Былъ онъ человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, средняго роста, съ кругленькимъ брюшкомъ, на которомъ болталась толстая золотая цѣпочка съ брелоками, характеръ имѣлъ добрый, нравъ веселый, состояніе порядочное, лысину тоже порядочную, на которую тщательно зачесывалъ остатки сѣдыхъ волосъ. Ко всему этому прибавимъ, что онъ былъ холостякъ, жилъ спокойно и, поглаживая свой жирный, гладко выбритый подбородокъ, весело смотрѣлъ на міръ Божій сквозь золотыя очки своими маленькими сѣрыми глазками. Всегда бы можетъ быть, жилъ Иванъ Ивановичъ въ Пустомельскѣ, если бы судьба, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, не подтолкнула его дать одному пріятелю денегъ подъ залогъ дома, находящагося въ губернскомъ городѣ Зарѣчинскѣ, на Дворянской улицѣ. Прошло довольно времени и наконецъ пріятель вмѣсто денегъ, предложилъ Ивану Ивановичу оставить за собой домъ, приплативъ малую толику деньжонокъ.

— Мнѣ, говорилъ онъ, все равно продавать домъ придется, такъ какъ я перебираюсь въ Москву и отдамъ его тебѣ со всею обстановкой и даже со старухой кухаркой Авдотьей и дворникомъ.

— Что же? рѣшилъ Иванъ Ивановичъ, я не прочь, не все, правда, по чужимъ угламъ болтаться, къ тому же у меня въ Зарѣчинскѣ довольно родныхъ проживаетъ.

— Ну, вотъ видишь! поддержалъ пріятель, а тамъ, я тебѣ скажу, общество хорошее, шикарное общество, тебя тамъ полюбятъ, живо знакомствомъ обзаведешься, а я скажу кое кому.

Такимъ-то образомъ покупка дома была рѣшена. Иванъ Ивановичъ съѣздилъ въ Зарѣчинскъ, принялъ во владѣніе домъ, объявилъ старухѣ Авдотьѣ и дворнику, что оставляетъ ихъ у себя и вернулся въ Пустомельскъ готовиться къ отъѣзду.

— Ну, отлично! нюхая табакъ и морща въ улыбку свои одутловатыя красныя щеки, разсуждалъ Иванъ Ивановичъ, только нельзя жить тамъ какъ нибудь, нужно все честь честью, продолжалъ онъ, нужно заказать визитныя карточки, а здѣсь нѣмецъ Шприкъ превосходно [illegible] литографируетъ.

Рѣшивъ таким[illegible] онъ [illegible] Шприку карточки: *Иванъ* [illegible] *Дворянской улицѣ, собственн*[illegible]

Съ этимъ совпало другое обстоятельство.

Въ томъ же Пустомельскѣ проживалъ другой Иванъ Ивановичъ, вовсе не похожій на перваго. Другой Иванъ Ивановичъ былъ не Повалишинъ, а Завалишинъ, былъ не старикъ, а молодой человѣкъ и вдобавокъ страшный повѣса. Былъ онъ не надворный совѣтникъ, а коллежскій ассесоръ, не въ отставкѣ, а на службѣ, не лысый, а кудрявый и не имѣлъ ни объемистаго брюшка, ни объемистаго состоянія. Какъ видите, похожаго нѣтъ нисколько, а между тѣмъ судьба ухитрилась на нѣсколько дней сплести обоихъ Ивановъ Ивановичей. Молодой Иванъ Ивановичъ, то есть Иванъ Ивановичъ Завалишинъ, получилъ нежданно, негаданно въ наслѣдство отъ дальней тетки домъ въ Зарѣчинскѣ, на Мѣщанской улицѣ.

— Молодецъ тетка! рѣшилъ повѣса, вотъ бы отлично перейти на службу въ Зарѣчинскъ. Попротежировать мнѣ есть кому, попрошу, авось выгоритъ. Къ тому же въ Зарѣчинскѣ живетъ Настя— чего лучше, все таки для начала и романчикъ имѣется.

Иванъ Ивановичъ попросилъ кое-кого, кое-кто переписался кое съ кѣмъ, и Завалишину предложено было, не хочетъ ли онъ занять должность правителя канцеляріи у Зарѣчинскаго губернатора. Тотъ, понятно, согласился, дѣло сладилось, и Иванъ Ивановичъ Завалишинъ, какъ и Иванъ Ивановичъ Повалишинъ, стали готовиться къ переѣзду въ Зарѣчинскъ.

— Правитель канцеляріи губернатора,—это не дурно, разсуждалъ Завалишинъ, нельзя явиться какъ нибудь, нужно съ шикомъ, продолжалъ онъ, нужно заказать визитныя карточки, а нѣмецъ Шприкъ превосходно ихъ литографируетъ.

Рѣшивъ, такимъ образомъ, онъ заказалъ Шприку карточки: *Иванъ Ивановичъ Завалишинъ, на Мѣщанской улицѣ, собственный домъ, въ Зарѣчинскѣ.*

Карточки были готовы въ одинъ и тотъ же день и доставлены заказчикамъ. Иванъ Ивановичъ молодой прочелъ наклеенную на пакетѣ свою карточку, Иванъ Ивановичъ старый прочелъ наклеенную на пакетѣ—свою, оба остались
но ни тотъ, ни другой не загля[illegible]
товъ, а тамъ-то и была
что нѣмецъ Шприкъ
стараго Ивана Ивано
Ивановича, въ пак
вича карточ

Благодаря [illegible] ошибкѣ Шприка и поѣхали невѣдомые другъ другу два Ивана, два Ивановича, увозя каждый карточки своего тезки.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Иваны Ивановичи пріѣзжаютъ въ Зарѣчинскъ. Помощникъ правителя губернаторской канцеляріи рѣшаетъ, что ошибки возможны. Тоже самое соображаетъ и Макрида Петровна.

Оба Ивана Ивановича въ одну и туже субботу, въ одинъ и тотъ же часъ, съ однимъ и тѣмъ же поѣздомъ пріѣхали въ Зарѣчинскъ. Старый Иванъ Ивановичъ отправился въ свой домъ, на Дворянскую улицу, Иванъ Ивановичъ молодой, въ свой домъ, на Мѣщанскую.

Старуха Авдотья и дворникъ встрѣтили стараго Ивана Ивановича съ хлѣбомъ съ солью и съ великими поклонами.

— Самоварчикъ не прикажете-ли поставить, батюшка? спрашивала кухарка.

— Дѣло, поставь, поставь, сосласился Иванъ Ивановичъ.

Усѣвшись за чай, Иванъ Ивановичъ, порывшись въ бумажникѣ, отыскалъ тамъ записку и прочелъ: „Агриппина Власьевна Пузыречкина, близь Московской заставы, у Спаса, въ собственномъ домѣ.“

— Нужно навѣстить старушку тетку, проговорилъ онъ, прочитавъ записку, стара чай ста[illegible] голубушка, вотъ ужь лѣтъ десять, какъ ослѣпл[illegible], нужно, нужно съѣздить, хорошая старушка, всѣми уважаемая и вѣсь-то вѣкъ дѣвушкой прожила. Напьюсь чайку и поѣду.

Окончивъ чай, Иванъ Ивановичъ собрался, в[illegible] извощика и поѣхалъ къ Агриппинѣ Власьевнѣ Пузыречкиной.

— Дома? спросилъ онъ у отворившей ему дверь кухарки.

— Дома-съ, да почиваютъ.

— Ну, ну, не буди, не буди[illegible]
точку, да скажи, что
племянникъ.

— Батюшка! касатикъ! возопила кухарка и я-т[illegible] старая дурища, безъ огня вышла, хучь бы посмотрѣть-то на тебя. Агриппина-то [illegible] то и дѣло о тебѣ вспоминаетъ, видѣть тебя желаетъ

— Ну, ну, ну, скажи, что заѣду.

И, сунувъ въ руку кухаркѣ карточку своего молодаго тезки, Иванъ Ивановичъ сѣлъ въ пролетку и уѣхалъ.

Проснулась Агриппина Власьевна, сообщила ей

кухарка о посѣщеніи племянника, разъахалась и разъохалась старушка, и радости, и сѣтованіямъ конца не было. А въ это время отъ всенощной собралась къ ней вся родня ея, заключавшаяся въ трехъ самыхъ непредставительныхъ представительницахъ прекраснаго пола. Это были три почтенныя вдовы, бѣдныя, жившія почти исключительно подачками Агриппины Власьевны. Кромѣ ихъ да Ивана Ивановича и родни у нея не было. Всѣ они, ежась въ три погибели, кошачьей побѣжкой подходили къ Агриппинѣ Власьевнѣ, цѣловали ея руку, подобострастно пришептывая: „Богъ милости прислалъ", и при этомъ корчили умильную гримасу, не принимая въ разсчетъ, что слѣпая старушка не видитъ ихъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, знаете ли, кто пріѣхалъ-то? Ванюша. У меня былъ, да я то спала, а моя рохля-то не догадалась разбудить. Пріѣхалъ голубчикъ мой, пріѣхалъ.

— Да? что вы!

— Скажите пожалуйста!

— Наконецъ-то! вотъ видите.

Хоромъ проговорили три родственницы, изъ которыхъ одна приходилась Ивану Ивановичу въ восемнадцатомъ колѣнѣ теткою, а двѣ остальныя двадцатиюродными сестрами.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ, говорила Агриппина Власьевна, вы, вотъ, что я вамъ скажу, онъ завтра будетъ у меня, я пошлю за нимъ, такъ вы, того, обѣдать-то ко мнѣ не ходите, кто его знаетъ, понравится ли это ему. А вотъ вамъ по цѣлковику, ради праздника,— и старуха ощупью отперла комодъ, достала три серебряныхъ рублевика и раздала родственницамъ, прогоривъ: а вы вотъ что: завтра утречкомъ на поклонъ къ нему сходите, съ пріѣздомъ поздравьте, да повѣжливѣе, лишняго-то не говорите и не сидите долго-то. Вотъ онъ туто-тка оставилъ адресъ-то свой, ты, Микрида Петровна, знаешь грамотѣ-то, прочти-тко, да не забудьте.

— Какъ можно забыть!

— Хорошо съ.

— Сходимъ безпремѣнно,—отвѣчали всѣ три.

Макрида Петровна прочла карточку: „Иванъ Ивановичъ Завалишинъ, на Мѣщанской, собственный домъ".

— Что же это такое, вѣдь его фамилія-то Повалишинъ, а тутъ ты Завалишинъ прочла, замѣтила одна.

— И то, удивилась Макрида Петровна.

— Ну что-жъ? это бываетъ, резюмировала третья, помните, здѣся почтмейстеръ-то покойный Панфилъ Саввичъ то. Его фамилія-то была Растобаровъ, а писарь вишь гдѣ-то прошибся, написалъ Раздобаровъ, такъ и былъ по самую смерть Раздобаровымъ. Это бываетъ.

— Ну, чего тамъ судить, да рядить, вмѣшалась Агриппина Власьевна, пріѣхалъ и ладно. Смотрите же, завтра-то сходите.

Посѣтительницы начали прощаться и одна за одной не слышно вышли въ переднюю, гдѣ столпившись въ кучку, стали шептаться, въ которомъ часу завтра сойтись у Ивана Ивановича и затверживали адресъ.

Пока Иванъ Ивановичъ старый пилъ чай и дѣлалъ визитъ къ теткѣ, Иванъ Ивановичъ молодой пріѣхалъ со станціи, приказалъ привезенному изъ Пустомельска лакею скомандовать водки и закуски.

Сидя за закуской, Иванъ Ивановичъ разсуждалъ такъ:

— Завтра воскресенье, являться къ губернатору не буду, а лучше выпишу къ себѣ помощника, поговорю съ нимъ, узнаю, какой губернаторъ. Это будетъ отлично.

И не долго думая, онъ написалъ къ помощнику, прося его придти на другой день и, приложивъ къ письму карточку, послалъ съ человѣкомъ.

Помощникъ, получивъ письмо, былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

— Какъ это понять? думалъ онъ, письмо подписано Завалишинъ, а карточка Повалишинъ.... Должно быть описался второпяхъ, сообразилъ онъ, и затѣмъ пришелъ къ такому заключенію, что хотя особеннаго представленія тутъ и не полагается, но все таки лучше представить новому начальнику всю канцелярію, потому—кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ, а честь лучше безчестья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Старый Иванъ Ивановичъ дѣлаетъ пріемъ чиновникамъ. Молодой Иванъ Ивановичъ знакомится съ невѣдомыми ему тетками и кузинами.

Проснувшись на другое утро, Иванъ Ивановичъ старый, сталъ собираться къ поздней обѣднѣ. Онъ тщательно напомадилъ и зачесалъ на лысину волосы, выбрилъ [illegible] олоном подбородокъ украсилъ [illegible]

въ ож[illegible]

кухарка о посѣщеніи племянника, разъахалась и разъохалась старушка, и радости, и сѣтованіямъ конца не было. А въ это время отъ всенощной собралась къ ней вся родня ея, заключавшаяся въ трехъ самыхъ непредставительныхъ представительницахъ прекраснаго пола. Это были три почтенныя вдовы, бѣдныя, жившія почти исключительно подачками Агриппины Власьевны. Кромѣ ихъ да Ивана Ивановича и родни у нея не было. Всѣ они, ежась въ три погибели, кошачьей побѣжкой подходили къ Агриппинѣ Власьевнѣ, цѣловали ея руку, подобострастно пришептывая: „Богъ милости прислалъ“, и при этомъ корчили умильную гримасу, не принимая въ разсчетъ, что слѣпая старушка не видитъ ихъ.

— Здравствуйте, здравствуйте, знаете ли, кто пріѣхалъ-то? Ванюша. У меня былъ, да я то спала, а моя рохля-то не догадалась разбудить. Пріѣхалъ голубчикъ мой, пріѣхалъ.

— Да? что вы!

— Скажите пожалуйста!

— Наконецъ-то! вотъ видите.

Хоромъ проговорили три родственницы, изъ которыхъ одна приходилась Ивану Ивановичу въ восемнадцатомъ колѣнѣ теткою, а двѣ остальныя двадцатиюродными сестрами.

— Пріѣхалъ, пріѣхалъ, говорила Агриппина Власьевна, вы, вотъ, что я вамъ скажу, онъ завтра будетъ у меня, я пошлю за нимъ, такъ вы, того, обѣдать-то ко мнѣ не ходите, кто его знаетъ, понравится ли это ему. А вотъ вамъ по цѣлковику, ради праздника,— и, старуха ощупью отперла коммодъ, достала три серебряныхъ рублевика и раздала родственницамъ, прогоривъ: а вы вотъ что: завтра утречкомъ на поклонъ къ нему сходите, съ пріѣздомъ поздравьте, да повѣжливѣе, лишняго-то не говорите и не сидите долго-то. Вотъ онъ туто-тка оставилъ адресъ-то свой, ты, Микрида Петровна, знаешь грамотѣ-то, прочти-тко, да не забудьте.

— Какъ можно забыть!

— Хорошо съ.

— Сходимъ безпремѣнно,—отвѣчали всѣ три.

Макрида Петровна прочла карточку: „Иванъ Ивановичъ Завалишинъ, па Мѣщанской, собственный домъ“.

— Что же это такое, вѣдь его фамилія-то Повалишинъ, а тутъ ты Завалишинъ прочла, замѣтила одна.

— И то, удивилась Макрида Петровна.

— Ну что-жь? это бываетъ, резюмировала третья, помните, здѣся почтмейстеръ-то покойный Панфилъ Саввичъ то. Его фамилія-то была Растобаровъ, а писарь вишь гдѣ-то прошибся, написалъ Раздобаровъ, такъ и былъ по самую смерть Раздобаровымъ. Это бываетъ.

— Ну, чего тамъ судить, да рядить, вмѣшалась Агриппина Власьевна, пріѣхалъ и ладно. Смотрите же, завтра-то сходите.

Посѣтительницы начали прощаться и одна за одной не слышно вышли въ переднюю, гдѣ столпившись въ кучку, стали шептаться, въ которомъ часу завтра сойтись у Ивана Ивановича и затверживали адресъ.

Пока Иванъ Ивановичъ старый пилъ чай и дѣлалъ визитъ къ теткѣ, Иванъ Ивановичъ молодой пріѣхалъ со станціи, приказалъ привезенному изъ Пустомельска лакею скомандовать водки и закуски.

Сидя за закуской, Иванъ Ивановичъ разсуждалъ такъ:

— Завтра воскресенье, являться къ губернатору не буду, а лучше выпишу къ себѣ помощника, поговорю съ нимъ, узнаю, какой губернаторъ. Это будетъ отлично.

И не долго думая, онъ написалъ къ помощнику, прося его придти на другой день и, приложивъ къ письму карточку, послалъ съ человѣкомъ.

Помощникъ, получивъ письмо, былъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи.

— Какъ это понять? думалъ онъ, письмо подписано Завалишинъ, а карточка Повалишинъ.... Должно быть описался второпяхъ, сообразилъ онъ, и затѣмъ пришелъ къ такому заключенію, что хотя особеннаго представленія тутъ и не полагается, но все таки лучше представить новому начальнику всю канцелярію, потому—кто его знаетъ, что онъ за человѣкъ, а честь лучше безчестья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Старый Иванъ Ивановичъ дѣлаетъ пріемъ чиновникамъ. Молодой Иванъ Ивановичъ знакомится съ невѣдомыми ему тетками и кузинами.

Проснувшись на другое утро, Иванъ Ивановичъ старый, сталъ собираться къ поздней обѣднѣ. Онъ тщательно напомадилъ и зачесалъ на лысину волосы, выбрилъ [illegible] олономъ подбородокъ украсилъ [illegible] въ ож [illegible]

— Что ты, Авдотьюшка? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Чиновники къ вамъ пришли.

— Какіе чиновники?

— Не знаю, а только што васъ спрашиваютъ, доложить приказали, я ихъ въ залу пустила.

— Гмъ, гмъ. Ну ладно.

Иванъ Ивановичъ вышелъ въ залу, гдѣ собрались чиновники.

— Здравствуйте, господа, сказалъ онъ.

— Имѣю честь представиться, помощникъ правителя канцеляріи г. губернатора—Клыковъ, затѣмъ помощникъ представилъ остальныхъ.

— Очень пріятно, господа, познакомиться, очень пріятно, говорилъ Иванъ Ивановичъ, подавая каждому руку.

— Я счелъ долгомъ представить всѣхъ, сказалъ помощникъ.

— Очень радъ, благодарю васъ, прошу, господа, садиться. Всѣ усѣлись. Подали чай.

— Что строгій здѣсь губернаторъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ-съ, этого сказать нельзя, отвѣчалъ помощникъ, иногда вспылитъ, но только это рѣдко случается.

— Гмъ, гмъ. Конечно, онъ какъ начальникъ, бываетъ иной разъ выведенъ изъ терпѣнія неисполнительностію подчиненныхъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Конечно-съ,—одинъ Богъ безъ грѣха, согласился помощникъ, а только смѣю васъ завѣрить, что у насъ по канцеляріи исполнительность примѣрная-съ.

— Это лучше всего. Да, господа, вы вотъ все большею частію молодые люди, слѣдовательно, совѣтъ мой, какъ человѣка пожилаго, не будетъ лишнимъ. Охъ, повѣрьте, нужно служить старательно, исполнительно, и все хорошо будетъ. Аккуратность на службѣ—первое дѣло.

Чиновники молчали.

— Я самъ уже, слава Богу, больше тридцати лѣтъ отслужилъ, всего видалъ и насмотрѣлся. Теперь не то, что прежде, прежде строже много было. Я въ одномъ мѣстѣ служилъ, у насъ начальникъ вотъ строгій-то былъ—страхъ! Бывало не то что по службѣ, а просто кто галстукъ попестрѣе надѣнетъ, онъ ужь припомнитъ тому это когда нибудь.

Молодой чиновникъ Штофиркинъ покраснѣлъ какъ морковь и потупился надъ стаканомъ, стараясь закрыть подбородкомъ свой зеленый съ желтыми клѣтками галстукъ. Не замѣчая, какое дѣйего слово Иванъ Ивановичъ

— Перчатокъ франтовскихъ—терпѣть не могъ, разсказывалъ Иванъ Ивановичъ.

Третій чиновникъ, Поджилкинъ, поставилъ на угольный столикъ стаканъ, и торопливо снялъ перчатки, цвѣта gris-de-perle.

— Да, да, господа, прежде строже было; ну да и теперь есть начальники, которые держатъ подчиненныхъ въ ежовыхъ рукавицахъ, только немного,—закончилъ Иванъ Ивановичъ.

Помощникъ поднялся, за нимъ всѣ чиновники, въ это время ударили въ колоколъ.

— Благодарю васъ, господа, сказалъ Иванъ Ивановичъ, не задерживаю васъ теперь потому, что собираюсь въ церковь, это мое правило, улыбнулся онъ, я помню великое изреченіе: Кесарево—Кесареви и Божіе—Богови. Въ другое же время милости прошу заходить ко мнѣ безъ церемоніи, я человѣкъ простой.

„Простой, чортъ тебя возьми!“ подумали чиновники, а помощникъ, значительно подмигнувъ всѣмъ, сказалъ:

— И мы вѣдь тоже-съ торопимся къ обѣднѣ, ужь это у насъ правило каждый праздникъ. Конечно-съ каждый въ своемъ приходѣ бываетъ, ну, а сегодня пойдемъ въ вашъ приходъ—поближе.

— Вотъ это похвально, вотъ это хорошо, господа, поощрялъ Иванъ Ивановичъ.

Затѣмъ онъ въ сопровожденіи чиновниковъ отправился въ церковь. Чиновничекъ Штофиркинъ, не расчитывая попасть къ обѣднѣ, надѣлъ новые сапоги, которые ему страшно жали и онъ, то блѣднѣя, то краснѣя, едва-едва достоялъ до конца службы.

А Иванъ Ивановичъ, идя въ церковь, думалъ: какой вѣжливый и уважительный народъ. Это не иначе, какъ мой пріятель посовѣтывалъ имъ. Да оно конечно, здѣсь знати-то не особенно много, чего добраго, съ губернаторомъ придется познакомиться, ну, они понимаютъ это, и заискиваютъ.

По окончаніи службы, когда Иванъ Ивановичъ раскланивался съ чиновниками, помощникъ сказалъ ему:

— Вѣроятно отдохнуть думаете съ дороги?

— Нѣтъ, я признаюсь, не привыкъ и самъ нѣжиться, да и въ другихъ не люблю этого.

Чиновникъ Штофиркинъ, благодаря узкимъ сапогамъ, стоявшій за службою прислонившись къ стѣнѣ, вновь покраснѣлъ и потупился.

— Ну, нажили гуся, говорили чиновники, смотря вслѣдъ Ивана Ивановича, преважно съ перевалкою удалявшагося отъ церкви.

И. Вашковъ.

(До слѣдующ. №).

— Что же ты смотришь? видишь пустыя блюда, поди наложи ихъ!
— Да ужь ничего не осталось: этотъ гость все пріѣлъ.

ЧАРОВАННЫЙ МОСТЪ

(СОВРЕМЕННАЯ БАЛЛАДА).

Въ широкой равнинѣ Россіи
Есть городъ,—зовутъ иногда
Манчестеромъ русскимъ,—вотъ тамъ-то
Случилась большая бѣда:

Построили мостъ черезъ рѣку,—
Мостище—громада!—Слыхалъ,
Убили на эту постройку
Чудовищный тамъ капиталъ.

Но вотъ, волшебствомъ ли коварнымъ
Иль въ слѣдствіе прихоти злой,
Запретъ положили великій,—
Чтобъ на мостъ никто ни ногой...

Слыхалъ я объ этомъ разсказы,
Разсказамъ хоть вѣрить нельзя,
Но все же разсказы вамъ эти
Секретно повѣдаю я.

Слыхалъ я, что мостъ очарованъ,—
Что если кто мостомъ пройдетъ,
То съ нимъ или злое случится,
Иль на-вѣкъ совсѣмъ пропадетъ...

Случилося такъ, что строитель,—
Онъ былъ городскимъ головой,—
Когда этотъ мостъ былъ построенъ,
Прошелся по мосту съ семьей,

И что же?— Онъ рокомъ чудеснымъ
Наказанъ за эту вину...
И какъ?—Оказался банкротомъ!—
Ни гроша долговъ—никому.

А прежде вѣдь былъ богатѣемъ,
И фабрика чудо б
Теперь онъ банкротъ...
Какъ часто бываешь ты зл,

Но я и другіе разсказы
О мостѣ чудесномъ слыхалъ,
Одинъ мой пріятель секретно
Мнѣ ихъ одному разсказалъ.

И вамъ я скажу по секрету,
Что мнѣ онъ тогда говорилъ...
Ну слушайте:—этотъ строитель
Хитрецъ удивительный былъ.

Онъ выдумалъ штуку такую,
Что страшно, ей-богу, сказать:
Сумѣлъ онъ отъ этой постройки
Порядочный кушикъ урвать.

Урвалъ... и чтобъ послѣ придирки
За это ему избѣжать,
Имѣнье свое съ капиталомъ
Придумалъ женѣ передать...

И братцы его,—ихъ всѣхъ трое,—
Чтобъ тоже долговъ не платить,
Изволили женушкамъ милымъ
Имѣнье свое подарить.

Потомъ въ-четверомъ разсказали
Ту басню, что вамъ я сказалъ:
Мы по мосту,—дескать, прошлися,—
И нашъ улетѣлъ капиталъ.

Повѣрили баснѣ нелѣпой,
Запретъ положили такой,
Что мостъ очарованъ чудесно,
Чтобъ на мостъ никто ни ногой.

Сей мостъ существуетъ донынѣ,
Заставленъ рогатками входъ
Съ обѣихъ сторонъ, и по немъ ужъ
Никто никогда не пройдетъ

С. И.

ЗАГАДКА

Безъ *перваго* слога немыслимъ балетъ;
Второй же слогъ русская буква такая,
..кой въ иностранныхъ алфавитахъ нѣтъ;
.. думало дѣлать намъ вредъ,
враждой ко всѣмъ русскимъ пылая;
вредило намъ мало
..ъ въ плѣнъ попадало.

Паша.

..АМБУРОВЪ.

БЕСѢДА ГЛАСНАГО СЪ НЕГЛАСНЫМЪ

У Лопашова сошлись на масляницѣ наши старые знакомые, гласный Иванъ Ѳаддеевичъ и негласный Иванъ Андреевичъ.

— Дружище! какъ у васъ дѣла идутъ? спросилъ Иванъ Андреевичъ.

— Ну, братъ Иванъ Андреичъ, порадуйся нашему счастію! Благодарить насъ сто разъ будешь, мало сто, двѣсти разъ благодарить будешь, какъ услышишь, что я тебѣ скажу.

— Да что у тебя за радость? 200 тысячъ что ли выиграть хочешь 1-го марта? Видно сонъ въ руку видѣлъ насчетъ выигрыша, или въ кавалеры представленъ? спросилъ, посмѣиваясь, Иванъ Андреевичъ,—или заемъ отмѣняется у васъ въ Думѣ?

— Да ты все зубы скалишь, отвѣчаетъ Иванъ Ѳаддеичъ,—а ты слушай, какая радость-то; не то что мы, и дѣти наши, и внуки, и правнуки этой радости будутъ радоваться и поминать насъ, и благодарить. Имена свои обезсмертить въ потомствѣ можемъ, намъ за это памятникъ поставятъ или портреты наши повѣсятъ; вотъ что.

— Да что въ самомъ дѣлѣ заемъ вамъ не утвердили? Ну, за это конечно и внуки, и правнуки благодарить васъ будутъ, хоть памятника вамъ и не поставятъ, и портретовъ вашихъ не повѣсятъ.

— Заемъ, заемъ! Дался тебѣ этотъ заемъ, прости Господи, ты съ нимъ точно курица съ яйцомъ носишься; не заемъ, а мы Сокольники покупаемъ, т. е. городъ

ихъ пріобрѣтаетъ, вотъ что. Теперича Сокольники наши будутъ; что хотимъ, то и будемъ съ ними дѣлать, только пилить да рубить ихъ намъ нельзя будетъ. И за дешовую цѣну ихъ пріобрѣтаемъ, а въ будущемъ они милліоны будутъ стоить.

— Жаль, что они городу достанутся и Городская Управа ими распоряжаться будетъ, сказалъ Иванъ Андреевичъ.

— Какъ жаль? почему? спросилъ удивленно Иванъ Ѳаддеевичъ.

— Да потому жаль, что было въ нихъ въ послѣднее время плохо жить, а теперь еще хуже будетъ.

— Какъ такъ? у насъ-то будетъ хуже? у города-то? Шалишь, братъ, не то говоришь.

— Да что шалишь, отвѣчалъ съ убѣжденіемъ Иванъ Андреичъ,—вѣдь самъ же говоришь, что вамъ своя воля будетъ въ Сокольникахъ; вотъ вы по своей волѣ и будете изъ нихъ доходы извлекать, въ дойную корову ихъ себѣ и обратите: кабаки разведете, харчевни, трактиры, а чего добраго и гостинницъ съ нумерами настроите; предложитъ вамъ какой нибудь подрядчикъ Шмелевъ или баньщикъ Бирюковъ хорошую аренду, вы и согласитесь ради дохода въ городъ, благо у васъ расходы-то такъ размашисто идутъ, что едва концы съ концами сводите по бюджету. Понадобится вамъ казармы строить, вы и казармы тамъ выстроите, понадобится больница, вы и больницу тамъ выстроите, пожалуй и бойню устроите благо земли не нанимать; всѣхъ дачниковъ [illegible]гоните; Кругъ пожалуй въ аренду какому нибудь жиду отдадите; плохо въ Сокольникахъ шоссе, а вы пожалуй его хуже московскихъ мостовыхъ сдѣлаете; плохи дорожки въ паркѣ, а у васъ еще хуже будутъ; плоха въ Сокольникахъ подсадка деревьевъ, а у васъ и совсѣмъ ея не будетъ: зачѣмъ? скажете, и безъ этого можно. Жаль! придется многимъ дачи продать, и превратятся Сокольники въ Марьинскую слободку. А то пожалуй надумаетесь, такъ при Сокольницкой церкви кладбище для городскаго дохода устроите.

— Ахъ ты, зуда зудовичъ! сказалъ обиженно Иванъ Ѳаддеичъ,—вотъ что придумалъ! Что мы кабаки, гостинницы, больницы, кладбище устроимъ! Это ты, братъ, намъ шпильку пускаешь насчетъ кладбища-то—знаю: это насчетъ нашихъ думскихъ коммиссій, что у нихъ много покойниковъ накопилось, много дѣлъ нерѣшенныхъ лежитъ, не знаютъ, какъ схоронить съ глазъ долой. Ты погоди, братъ, дай намъ только Сокольники къ рукамъ прибрать, такъ мы изъ нихъ то сдѣлаемъ, что Европа ахнетъ: разукрасимъ на славу, особую коммисію для этого выберемъ, комитетъ устроимъ, да не одинъ, а десять, вмѣсто шоссе асфальтъ пустимъ, газовое освѣщеніе, театръ выстроимъ, ресторанъ французскій, акваріумъ устроимъ, музей, фонтаны, водопады, прудовъ нароемъ, бюстовъ да памятниковъ наставимъ,—просто знай и вѣдай насъ вся Россія! Бани устроимъ, а то теперь бань нѣтъ близко попариться негдѣ русскому человѣку; въ Яузѣ купаться нельзя,—отходники всю воду протушили.

— Смотрите, подъ фотогеновые склады ихъ не отдайте, сказалъ Иванъ Андреичъ.

— Что ты, что ты! съ ума что ли мы сошли? Мы, братъ, еще въ своемъ умѣ. Да развѣ можно промежъ строеній фотогеновые склады устраивать? Этого и законъ не допускаетъ. Мы, братъ, все въ Думѣ по закону да по городовому положенію дѣлаемъ: у насъ, братъ, такіе законники есть, просто все положеніе наизусть знаютъ, какъ турецкіе муллы Коранъ. Каждую точку, запятую толкуютъ, особливо если это ихъ польза. Да ты, братъ, на насъ такую мараль не пускай, а то мы тебя за это и къ мировому.

— Да если вы будете всѣхъ къ мировому да въ окружный таскать за то, что про васъ говорятъ въ Москвѣ, — смѣясь, отвѣтилъ Иванъ Андреичъ,—такъ вамъ тогда надо будетъ для тяжебныхъ дѣлъ особаго члена въ Управу прибавить, да въ смѣту особую статью ассигновать на веденіе процессовъ, да десят[illegible] при Думѣ имѣть. А что я говор[illegible] [illegible]овые склады, такъ это правда [illegible] Управа-то отдала на Сокольницком[illegible] городскую землю подъ фотогеновые склады рядомъ съ лагерными бараками и дѣтской больницей? Случись этимъ складамъ загорѣться,—а кто за это поручится, что этого не будетъ?—тогда все на воздухъ полетитъ: вѣдь тамъ вся середина поля отдана подъ фотогеновый складъ.

— Да это не нами отдано, это до насъ было; намъ, братъ, что за дѣло за чужую вину отвѣчать? А что-жь сокольницкіе дачники объ этомъ молчатъ, въ Думу головѣ не заявляютъ, дожидаются что ли, когда на воздухъ взлетятъ?

— Эхъ, Иванъ Ѳаддеичъ, что я тебѣ скажу: все-то вы покупаете, да ничего въ прокъ вамъ нейдетъ. Вотъ купили Винный дворъ на свою голову и терпите убытокъ; а зачѣмъ купили? сами не знаете; Охотный рядъ хотѣли туда переводить, да Лухмановъ мѣшаетъ. Вотъ выстроили теплый рынокъ,—пустой стоитъ; наняли четыре лавки, да теперь и эти отъ вашихъ хорошихъ порядковъ бѣгутъ.

— Да это все, братъ, не при насъ, это все прежніе нагородили не въ свою голову. Однако [illegible] рамъ. Прсщай.

— До свиданія.

Бесѣды мичмана Жевакина съ публикой

[illegible]ляница. — Наше Корсо. — Разница между московскою масляницей [illegible]имскимъ карнаваломъ. — Заботливость Думы. — Мороженое. — [illegible]рышники и средство отъ нихъ избавленія. — Отъ[illegible] спекуля[illegible] О чемъ будемъ читать въ га[illegible]тахъ великимъ постомъ. — Гдѣ находи[illegible]

Миновала уже первая недѣля [illegible] только еще собираюсь говорить о масляницѣ. Что нужды! вѣдь говорятъ: что прошло, то будетъ мило, а о миломъ всегда пріятно вспомнить. Ну-съ, и такъ, что же есть милаго въ нашей масляницѣ? Многаго сказать тутъ невозможно, но масляница наша мила уже тѣмъ, что прошла. Этого достоинство.

На недѣлѣ той обжорной—
Что простора для скандала,
И при выходкѣ задорной
Дракъ творилося не мало.
Хоть нашла тутъ примѣненье
Кулака и мощь, и сила,
Но припомнимъ выраженье:
Что прошло, то будетъ мило...

У иного гастронома
[illegible] недѣлю постоянно
въ гостяхъ и дома
[illegible]устанно,

Сидящій. Что это, братъ, у тебя за фонарь подъ глазомъ?
Стоящій. Это такъ, ничего: вчера женился.

Отъ отцовъ тишкомъ кутилы
Въ Паркъ умчавшися на тройкахъ,
[illegible] кармановъ, силы,
Провели семь дней въ попойкахъ;
Хоть иныхъ по той причинѣ
Длань родительская била,
Основанья нѣтъ кручинѣ:
Что прошло, то будетъ мило...

Всѣ по-свойски наслаждались,
Пивъ вино до изступленья,
До одышки наѣдались
И дралися для веселья.
Посмотрѣвъ на все на это,
Намъ лишь такъ возможно было
Примѣнить здѣсь стихъ поэта:
Что прошло лишь, тѣмъ и мило.

Вѣроятно изъ читателей найдется мало не заплатившихъ ежегодную дань мамону и не побывавшихъ тамъ, куда такъ усердно приглашали саженныя афиши, а потому и перечислять, что было вообще на масляницѣ, я не стану, а ограничусь лучше нѣсколькими словами о томъ, что было, но отсутствіе чего было бы желательно.

Начать приходится конечно съ нашего Корсо — Болотной площади.

Одинъ изъ нашихъ доморощенныхъ гамлетовъ, отъ жалкой игры котораго проливаются обильныя слезы.

Стыдно дѣлается вчужѣ,
Страшно дѣлается даже:
Гдѣ найдется голосъ хуже?
Гдѣ услышишь пѣнье гаже?

Я убѣжденъ, что наша московская масляница не похожа на карнавалъ въ Римѣ. Вмѣсто легкихъ, воздушныхъ «конфетти», которыми римскія синьорины осыпаютъ толпу, въ нашу толпу летѣли комья грязи изъ подъ лошадиныхъ копытъ и изъ подъ увѣсистой обуви добрыхъ пейзановъ. Вмѣсто римскаго обычая гасить другъ у друга имѣющіяся въ рукахъ свѣчи и стараться засвѣтить ихъ у сосѣда, у насъ горятъ глаза и физіономіи свѣтомъ «поповки», а сосѣдъ сосѣду очень обязательно старается «засвѣтить» затрещину, отъ которой вспыхиваютъ фонари въ видѣ карнавальнаго украшенія, хотя и нежелательнаго... Есть и другія причины, не дающія возможности сравнить нашу масляницу съ римскимъ карнаваломъ, а Болотную площадь съ Корсо.

Но что же? За то вѣдь и Корсо нельзя сравнить съ Болотной площадью, а римскій карнавалъ съ нашей масляницей. Слѣдовательно мы не въ накладѣ.

Впрочемъ я забрался въ Римъ, это очень далеко. Взявъ поближе, можно сказать, что наше масляничное гулянье не похоже даже на гулянье петербургское. Наше гулянье скорѣй напоминаетъ приходскій праздникъ въ богатомъ селѣ, лишь въ нѣсколько большемъ размѣрѣ. Пять-шесть нескладныхъ ящиковъ вмѣсто балагановъ съ безобразными вывѣсками и еще болѣе безобразными уродами на балконахъ,—вотъ и все наше народное гулянье. Это прямо указываетъ на то, что гулянье падаетъ и что наша хозяйка Дума не умѣетъ сдѣлать его болѣе веселымъ и болѣе приличнымъ.

Я отъ души жалѣю нашу Думу: подумайте, сколько ей хлопотъ съ этимъ гуляньемъ! Во-первыхъ... я даже затрудняюсь, съ чего начать, ну, во-первыхъ, нужно объявить, что гулянье будетъ на Болотной площади, во-вторыхъ нужно вѣроятно собрать деньги съ увеселителей, а затѣмъ... затѣмъ. Да развѣ этого мало? Заботливость нашей Думы о гуляньѣ выразилась даже въ томъ, чтобы и самая Болотная площадь не потеряла какъ нибудь значеніе своего названія. Напримѣръ, тамъ, гдѣ толчется пѣшая публика, глубокіе, наполненныя водою ямы остались во всей неприкосновенности. Да впрочемъ что толковать о мфортѣ на гуляньѣ, когда у насъ во всей Москв какъ Дума взяла въ свои заботливыя ни проходу, ни проѣзду. Набью нять—вдвое. Там

дѣлаютъ волчьихъ ямъ и докажутъ, что искуственные ухабы не въ примѣръ злѣе естественныхъ.

Вездѣ полезное заводятъ,
Весь прогрессируется свѣтъ,—
Года десятками проходятъ,
А здѣсь въ Москвѣ проходу нѣтъ.

Привычка думать, какъ ни думай,
Цѣнна для каждой стороны;
Мы, москвичи, богаты думой
И нашей думѣ нѣтъ цѣны.

Между разными неудобо и удобосъѣдомыми сластями фигурировало на Болотной площади и мороженое. Многіе чадолюбивые родители угощали мороженымъ своихъ ребятишекъ, подвергая ихъ явной опасности схватить жабу и вѣроятно, больше нежели дѣти мороженымъ, наслаждались мыслью, что вотъ-де мы какъ дѣтей своихъ любимъ: всяческое удовольствіе доставить имъ готовы. Конечно, вольному—воля, а все-таки, взявъ во вниманіе время года, очень было бы полезно запретить продажу мороженаго на гуляньѣ. Многіе ребятишки являются на гулянье одни и за полученные на масляницу пятаки покупаютъ себѣ болѣзнь, а подчасъ и смерть.

Поработали таки за масляницу и театральные барышники! Вотъ удивительный классъ людей, на которыхъ сѣтуетъ публика, и отъ которыхъ все-таки, какъ видится, нѣтъ возможности избавиться. На что же сѣтуетъ публика, если она сама покупаетъ билеты у барышниковъ и тѣмъ поощряетъ ихъ? А между тѣмъ сѣтованія раздаются со всѣхъ сторонъ. То и дѣло надъ кассами красуется аншлагъ, гласящій, что билеты всѣ проданы, и тутъ же за дверями театра этими билетами ведется открытый торгъ. Публика злится и покупаетъ у барышниковъ билеты, платя иногда въ тридорога. Мнѣ кажется, избавиться отъ барышниковъ есть только одно средство: при продажѣ выдавать изъ кассъ вмѣсто билетовъ извѣстнаго образца контрамарки, безъ поясненія, какое мѣсто значится за нумеромъ контрамарки, затѣмъ контрамарки мѣнять на билеты при входѣ до спектакля въ корридорѣ каждаго яруса. Такого рода глухія контрамарки не могутъ имѣть сбыта внѣ театральныхъ кассъ. Что же касается до недоразумѣній между театральнымъ начальствомъ и какимъ нибудь пройдохой, желающимъ, благодаря глухотѣ контрамарки, за меньшую плату пройти въ лучшее мѣст[illegible] возможно, если раз-
[illegible] выразилъ это мнѣ-
[illegible] вить, то оно мо-
[illegible]
[illegible] вно дурнаго,
[illegible] свою хорошую сторону, только мы ея не видимъ... Но что объ этомъ.

На нашей житейской аренѣ
Стяжаніе мзды привилось,—
На биржѣ, въ гостиныхъ, на сценѣ,
Барышниковъ тьма развелось.

Лукавыхъ, любезныхъ, нахальныхъ
Барышниковъ встрѣтитъ нашъ взглядъ,
И хуже, ей-ей, театральныхъ
Барышники тѣ во сто кратъ.

Разскажу вамъ фактъ, случившійся въ одномъ ростовщическомъ товариществѣ, вывѣски отдѣленій котораго можно встрѣтить чуть не рѣже вывѣсокъ кабаковъ.

Съ точки зрѣнія барышничества оцѣнщики и служащіе въ этомъ почтенномъ по профессіи товариществѣ народъ очень счастливый. Они всегда могутъ намѣтить хорошенькую просроченную вещь, подкараулить ее во-время при продажѣ и купить. Все это есть, все это совершается, всѣ это знаютъ и все это продолжаетъ существовать, потому что дешево купить хорошую вещь каждому пріятно. Въ этомъ отношеніи служащіе въ ростовщическомъ обществѣ народъ очень счастливый. Но, извѣстно всѣмъ и каждому, что человѣкъ довольнымъ быть никогда не можетъ. Будучи относительно недовольства человѣкомъ въ полномъ смыслѣ, оцѣнщикъ одного отдѣленія этого общества пожелалъ усугубить данное ему въ руки счастіе нѣсколько страннымъ образомъ.

Заложенъ былъ въ это отдѣленіе товаръ, положимъ хоть косметическій, оцѣненъ очень дешево, благодаря тому, что закладывающій не нуждался въ большей суммѣ, положенъ въ сундукъ, ключъ отъ котораго остался у владѣльца товара, а сундукъ съ заложеннымъ товаромъ конечно въ конторѣ. Благодаря отсутствію изъ Москвы, забывчивости или чему иному, только заложившій не внесъ процентовъ, просрочивъ дня три-четыре, не болѣе. Озаботившись участью своего товара, справляется въ газетахъ въ публикаціяхъ общества о вещахъ, назначенныхъ въ продажу. Видитъ, что въ продажу назначены золотыя вещи, носильное платье и мѣха и, не встрѣтивъ рубрики, подъ которую подходитъ его залогъ, мчится въ контору, предъявляетъ билетъ и... узнаетъ, что его духи и иныя средства наведенія красоты и изящества проданы. Удивившись, что товаръ его проданъ безъ публикаціи, задаетъ объ этомъ вопросъ и узнаетъ, что публикація была. Справляется въ публикаціи и съ недоумѣніемъ видитъ, что духи его страннымъ образ[illegible] причислены къ мѣховымъ вещамъ! Затѣмъ удивленіе его смѣнилось инымъ чувствомъ, когда онъ узналъ, что товаръ его *купленъ самимъ оцѣнщикомъ*...

Духи сочетались съ мѣхами,
Воскликнешь невольно: грѣхи!
Вѣдь пахнутъ совсѣмъ не духами,
Смѣшавшись съ мѣхами, духи.

Смѣшали косметики съ мѣхомъ,
Какъ будто все это одно;
Но тутъ ограничиться смѣхомъ
Едва ли, читатель, должно...

Нажива у нихъ ужь въ натурѣ,
Но кончу вопросомъ стихи:
Оцѣнщикъ не въ волчей ли шкурѣ,
Что рядитъ въ мѣха онъ духи?...

Наступилъ великій постъ, неужели вновь намъ придется читать въ газетахъ сообщенія вродѣ того, что такой-то отравился рыбой, такой-то отравился грибами?... Эту литературу пора бы давно бросить. Неужели наши московскіе рыбники и на сей разъ не уймутся? Посмотримъ!...

Вѣдь когда торгашъ-пріятель
Рыбу ржавую всучитъ,
Тутъ невольно покупатель
Самъ бѣлугой закричитъ.

Мы съ полиціей торговой
Избѣжать ей-ей могли-бъ,
Чтобы какъ нибудь бѣдовый
Намъ въ постѣ не скушать грибъ.

Въ заключеніе моей бесѣды, для интересующихся сообщу, гдѣ находятся Шпейеръ и Ландау.

Шпейеръ находится на правомъ берегу Рейна, въ рейнской Баваріи. Гостинницы: Adler, Post, Rheinischerhof. Древній городъ, извѣстный уже Римлянамъ подъ названіемъ: Augusta Nemetum. При императорѣ Карлѣ V, 19 Августа 1529 года, былъ въ Шпейерѣ сеймъ, на которомъ Лютеране протестовали противъ религіозныхъ постановленій императора; это была причина, почему ихъ назвали протестантами. Городъ былъ разграбленъ, разоренъ и сожженъ въ 1689 г. Французами, не имѣвшими даже уваженія къ прекрасному собору, который они разграбили и сожгли, позволивъ себѣ осквернить гробницы императоровъ. Постройка собора началась въ 1030 г. при Конрадѣ II и окончена въ 1097 г; западныя его башни сожжены Французами въ 1689 г. На мѣстѣ надгробныхъ памятниковъ въ императорскомъ склепѣ, разрушенномъ Французами, король Баварскій велѣлъ, въ послѣднее время поставить другіе, а стѣны склепа украсить фресками. Имена императоровъ Конрада II, Генриха III, Рудольфа Габсбургскаго, Адольфа Нассаускаго и Альберта вырѣзаны на двухъ вызолоченныхъ стѣнахъ. Статуи Рудольфа Габсбурскаго и Адольфа Нассаускаго. Подлѣ собора находится зала древностей (Antikenhalle) и гора Oelberg. Древнія ворота временъ Римлянъ. (*).

Какъ видите, о Шпейерѣ имѣются свѣдѣнія очень подробныя и я недоумѣваю, почему его такъ долго отыскиваютъ и найти не могутъ.

Ландау находится тамъ же, гдѣ и Шпейеръ.

Ландау. Гостинницы: Löwe, Schaaf, Schwan. Былъ во время тридцатилѣтней войны осаждаемъ и переходилъ изъ рукъ въ руки непріятелей 7 разъ.

Не говоря много, можно сказать одно, что города Страсбургъ (Струсбергъ), Ландау и Шпейеръ имѣютъ для Москвы нѣкотораго рода значеніе. Знаменитый гусями Страсбургъ указываетъ на то, что мы умѣемъ ловить журавля въ небѣ, выпуская синицу изъ рукъ, а находящіеся въ странѣ пива Ландау и Шпейеръ ясно говорятъ, что съ нами пиво варить тоже можно...

—ковъ.

(*) См. Путеводитель Бедекера.

СПРАВОЧНЫЙ ОТДѢЛЪ

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ТАБЛИЦЫ МОСКВЫ ЗА МАСЛЯНИЦУ.

Испечено блиновъ	18,000,000.
Объѣлось блинами и захворало включительно отъ дворника до барина. . .	60,000.
Опилось на мѣстѣ.	1800.
Опилось на выносъ.	4000.
Разнесено пригласительныхъ телеграммъ на блины.	3000.
Разнесено безъ приглашенія физіономій.	3000.
Напечатано масляничныхъ поздравленій въ стихахъ для клубныхъ швейцаровъ и трактирной прислуги.	40,000.
Ушло сѣдоковъ у извощиковъ безъ разсчета	900.
Выпито бурды внутренняго приготовленія за настоящее шампанское. . . .	8000.
Стукнулось лбами отцовъ съ сыновьями:	
Въ Стрѣльнѣ.	600.
У Яра.	400.
Въ Эрмитажѣ.	700.
Въ Саратовѣ.	360.
Въ Суздалѣ.	400.
Въ Санъ-Суси.	800.
Въ Грандъ-Плезирѣ.	900.
У Тѣстова.	800.
Потеряно сознаніе и равновѣсіе тѣлъ.	60,000.
Перепродано за масляницу театральными барышниками билетовъ на сумму . .	6000 р.
Найдено торговою полиціей при осмотрѣ рыбныхъ лавокъ два испортившихся снетка, которые и уничтожены.	
Продано въ Охотномъ ряду и на рынкахъ за масляницу яицъ куриныхъ тухлыхъ. .	40,000 шт.
Масла коровьяго прогорьклаго. . . .	10,000 ф.
Рыбы тухлой.	20,000 ф.
Снетковъ съ пескомъ.	50,000 ф.
Уворовано прикащиками у хозяевъ . .	5000 р.
Мальчиками.	100 р.
Сынками—счесть не могли: цифра очень крупная.	
Передѣлано паюсной икры въ зернистую. .	600 п.
Не запиралось ночью кабаковъ и трактировъ—всѣ.	
Выбыло неизвѣстно куда изъ кармановъ часовъ серебряныхъ и золотыхъ. . . .	120 шт.
Спитаго чая продано за масляницу въ харчевни и трактиры—счетъ еще не приведенъ въ ясность.	

—

—

БОЛѢЕ ТЫСЯЧИ КВАРТИРЪ, занятыхъ квартирантами, извѣстны моей коммиссіонерской конторѣ. Тутъ же рекомендуется прислуга, съ ручательствомъ, что деньги, слѣдующія за рекомендацію, будутъ получены.

Содержатель конторы Ъ. Ы.

—

ПО СЛУЧАЮ БРИТАНСКИХЪ ИНТЕРЕСОВЪ! назначена быстрая, безотлогательная распродажа шотландскаго и ирландскаго полотна и прочихъ товаровъ. Чтобы убѣдить публику въ дѣйствительной дешевизнѣ, просимъ обратить вниманіе на нашъ прейсъ-курантъ.

Сорочки мужскія, батистовыя, съ шитой грудью. Къ каждой дюжинѣ даются брилліантовыя грудныя и рукавныя запонки и шесть модныхъ галстуковъ—цѣна за дюжину 12 копеекъ.

Одѣяла байковыя двухспальныя, за штуку 5 копеекъ.

Платки носовые батистовые, за дюжину 2 копейки.

Пеньюары шитые—за штуку 11 копеекъ.

Полотно голландское высшей доброты на 12 сорочекъ кусокъ—за кусокъ 7 копеекъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ считаемъ нужнымъ присовокупить, что нашимъ покупателямъ предоставляется право купленное у насъ бѣлье мѣнять хотя каждый день и отдавать прачкѣ.

—

ЯСНО ВИДЯЩАЯ, что въ Москвѣ есть многое множество простаковъ, предлагаетъ свои услуги желающимъ.

—

ЧАИ послѣдняго сбора изъ лаханей московскихъ трактировъ, отдѣланные на рогожскихъ плантаціяхъ, только что получены и поступили въ продажу. Въ особенности рекомендую слѣдующіе сорта:

Пфу-фу-фу отборный за фунтъ . . . 1 р. 80 к.
Пхе-фу-тьфу, смѣшанный съ разными удобо и неудобоваримыми веществами, за фунтъ 1 р. 90 к.
Са-фаюнъ-Иванъ-Цзи, запашистый . . 2 р. — к.
Плюнь-Пхе, для любителей. . . . . 2 р. 50 к.

Падуваловъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Редакторъ-Издатель Ѳ. Б. Миллеръ.

Типографія Ѳ. Б. Миллера (Яуз. ч. 1 кв. № 82).